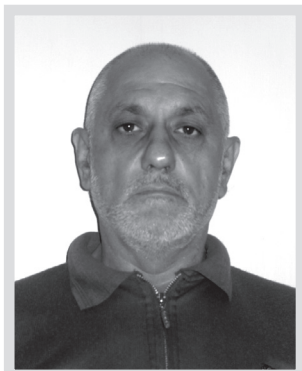

УДК 340.132.83

Метаморфозы российского законодательства о свободе совести: от законотворчества до правоприменения

Погасий А.К.

Доктор философских наук, доцент кафедры религиоведения
Казанского (Приволжского) федерального университета

В статье поднимается проблема государственно-конфессиональных конфликтов и нарушений права на свободу совести и вероисповедания на почве некачественно разработанных законов, позволяющих произвольное толкование их положений правоприменителями.

Ключевые слова: право, религия, закон, власть, толкование, религиозная политика, правоприменение.

Б.М. Мелиоранский в статье «Сектантство», написанной им для Энциклопедического Словаря Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, очень точно подметил одну особенность применения терминов: «На официальном языке, в эпохи религиозной борьбы, одна и та же община зовется то сектой, то церковью, или исповеданием, **смотря по отношению к ней правительства**» (выделено мной – А.П.) [1, с. 324]. Экстраполируя этот тезис на понятие «свобода совести» в своих размышлениях над религиозной историей России, мы вынуждены согласиться: термин «свобода совести» меняет свое смысловое наполнение в зависимости исключительно от «отношения к нему правительства», т.е. от религиозной политики государства. Соответственно этому меняется и толкование данного термина в законодательстве, а особенно – в правоприменении. Это хорошо видно на примере конституций разных периодов российской истории.

Например, ст. 124 Конституции СССР 1936 г. (ст. 128 Конституции РСФСР 1937 г.) гласит: «*В целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в СССР отделена от государства и школы от церкви. Свобода **отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами***».

Даже неискушенному человеку бросается в глаза разница между этими понятиями, особенно учитывая, что религиозный культ можно было «свободно» отправлять только в специально предоставленных помещениях и с чрезвычайными ограничениями, а

за проповедь вне таких помещений существовала уголовная ответственность (ст.ст. 122, 123, 126 УК РСФСР 1926 г.), в то время как антирелигиозная пропаганда проводилась на государственном уровне и в массовых масштабах.

Ст. 50 Конституции РСФСР 1978 г.:

*«Гражданам РСФСР гарантируется свобода совести, то есть право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, **отправлять религиозные культы или вести атеистическую пропаганду**. Возбуждение вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями запрещается. Церковь в РСФСР отделена от государства и школы от церкви».*

Здесь мы наблюдаем иллюзию демократических изменений, выразившуюся в декларации права «исповедовать любую религию или не исповедовать никакой». Иллюзия заключается в том, что слово «исповедовать» означает, помимо «*следовать какой-либо религии или учению*», еще и «*высказывать, открыто признавать, отстаивать свои воззрения*» (Толковый словарь Ушакова), в каком-то смысле это слово и расшифровывается в ст. 28 Конституции РФ 1993 г. («*свободно распространять...*»). Однако открытое признание и отстаивание религиозных убеждений продолжало преследоваться на основании Постановления Президиума Верховного Совета РСФСР от 18.03.1966 г. «О применении статьи 142 УК РСФСР», заменившего главу IV УК РСФСР 1926 г. «Нарушение правил об отделении церкви от государства».

Однако данная статья Конституции констатирует и некоторое положительное развитие взглядов на свободу совести. Во-первых, слово «антирелигиозная» заменено на «атеистическую», что несколько смягчает контекст, и, во-вторых, провозглашается запрет на возбуждение вражды в связи с религиозными верованиями.

А вот ст. 44 Конституции 1978 г. с изменениями и дополнениями 1989, 1990, 1991 и 1992 гг. уже несколько по-иному раскрывает понятие «свобода совести», показывая изменение государственной религиозной политики:

«Каждому гарантируется свобода совести – право свободно исповедовать любую религию либо не исповедовать никакой, выбирать, иметь и распространять религиозные, нерелигиозные или иные убеждения и действовать в соответствии с ними при условии соблюдения закона.

Религиозные объединения в Российской Федерации отделены от государства, государственная система образования носит светский характер.

Все религии и религиозные объединения равны перед законом.

Оскорбление убеждений граждан преследуется по закону».

Эти изменения уже фактически передают смысл общепринятых международных норм по правам человека и позже были воспроизведены в ст. 28 Конституции 1993 г.: «Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними».

Таким образом, претерпев в истории множество покушений на искажение самой идеи, свобода совести в России снова вернула свой изначальный смысл, который и был, помимо Конституции, закреплён в законах 1990-1997-х гг. [2, с. 75-77].

Мы не будем обсуждать позитивные и негативные стороны Закона РСФСР «О свободе вероисповеданий» от 25.10.1990 г. Его историческое значение в том, что он вернул религиозную сферу в правовое поле и двинул все связанные с ней процессы.

Впоследствии власти усмотрели в нем пробелы, на их взгляд, мешающие надлежащему регулированию государственно-конфессиональных отношений, в результате чего в 1997 г. родился другой закон – «О свободе совести и о религиозных объединениях».

Со времени обсуждения и принятия и до сего дня не прекращаются политико- и религиоведческо-правовые «баталии» по поводу многочисленных недочетов в законе, позволяющих произвольно толковать некоторые его положения настолько, что зачастую искажалась сама идея свободы совести и

вероисповедания. Эти недочеты и стали поводом для дальнейшей (на наш юристов и религиоведов взгляд) деградации законодательства о свободе совести.

Начиналось все с самой Преамбулы закона, где фактически определили четыре «титульные» конфессии. На многочисленные запросы специалистов по этому поводу разработчики закона отвечали, что, дескать, вы, специалисты, выдумываете проблемы. Преамбула не имеет силы закона, поэтому равенство конфессий соблюдено. Для меня до сих пор остается вопрос: авторы не понимали, что правоприменители буквально истолкуют упоминание о четырех религиях как констатацию факта признания их государством главенствующими, или же это – сознательный психологический трюк, направленный на дальнейшее развитие идеи государственных религий?

К сожалению, прогнозы специалистов оказались верными: вот уже 19 лет на этой почве возникают конфликты с другими, не упомянутыми в Преамбуле, конфессиями, причем чиновники ссылаются именно на нее как на закон и никакие доводы не действуют.

Следующая проблема – введение понятия «территориальная сфера деятельности религиозной организации» (ч. 2 и 7 ст. 8). Рассматривая религиозную организацию как юридическое лицо, гражданское законодательство не содержит каких-либо ограничений по территориальному признаку юридических лиц. Если же – как объединение граждан для совместного исповедания и распространения веры, то конфликт происходит со ст. 28 Конституции РФ, гарантирующей каждому свободу вероисповеданий независимо от места жительства и пребывания. Также это противоречит международным нормам, в частности, «Международному пакту о гражданских и политических правах», ст. 19 которого гласит: «Каждый человек имеет право на свободное выражение своего мнения; это право включает свободу... распространять всякого рода информацию и идеи, независимо от государственных границ».

Положение о территориальной сфере деятельности закономерно реализовалось в Законе от 24.06.2016 г. «О внесении изменений в Федеральный закон “О противодействии терроризму” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» в части возможности проведения миссионерской деятельности только в рамках территориальной сферы деятельности религиозной организации.

Далее в качестве примера неконкретной формулировки закона, позволяющей произвольное толкование, можно привести п. 3 ст. 8, где говорится об одном из условий создания религиозной организа-

ции – *постоянное проживание в одной местности либо в одном городском или сельском поселении*. Закон не определяет понятие «одна местность», что на практике неоднократно приводит к нарушениям прав граждан при регистрации религиозных организаций, например, если учредители проживают в нескольких селах одного района. Регистрирующий орган ссылается на том, что они не проживают «в одном сельском поселении».

И, наконец, ст. 14 – «Приостановление деятельности религиозного объединения, ликвидация религиозной организации...». Здесь мы имеем целый букет противоречий и некорректных формулировок. К примеру, в абзаце 3 п. 1 (ликвидация по решению суда в случае *грубых* нарушений закона) не определено понятие «грубые нарушения». Или использование *гипноза* в деятельности организации: кто определит, использовался ли гипноз?

И так далее, и тому подобное...

Тем не менее закон действует, верующие, религиозные объединения и юристы к нему как-то приспособились...

Однако с самого начала кого-то (может дьявола?) это не устраивало. Почти сразу началась кампания по ужесточению закона. Причем апробация изменений проходила сначала в регионах, и чем дальше от центра, тем круче. Например, Закон «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия» от 23.12.1997 г. приравнивал к миссионерской деятельности религиозное воспитание и обучение, религиозно-просветительскую, благотворительную, подвижническую и иную деятельность «в соответствии со своими каноническими нормами и уставом (положением) данной организации» (ч. 7 ст. 1), в общем, все аспекты религиозной и благотворительной деятельности. При этом религиозная организация обязана согласовать программу миссионерской работы и получить разрешение на один год, заплатив за это сто МРОТ.

Интересно, что в некоторых республиках «крутые» законы об ограничении свободы совести стали появляться еще до федерального закона. Так, Госсовет Удмуртии 28 мая 1996 г. за № 221-І принял Закон «О миссионерской деятельности на территории Удмуртской Республики», причем такой, что уже 5 марта 1997 г. Верховный Суд УР вынужден был его признать недействительным и не подлежащим применению с момента принятия.

Примерно с 2006 г. стали появляться законопроекты о регулировании миссионерской деятельности, о ликвидации статуса религиозной группы с целью подчинения всей религиозной жизни строгой государственной регламентации. Но все они по тем или иным причинам отклонялись законодателем. Казалось, Госдума не пойдет на такой одиозный шаг, как ограничение свободы совести, в смысл которой входит, как известно, «свободно...

распространять религиозные и иные убеждения» (п. 1 ст. 3 ФЗ № 125).

Однако не тут-то было: в июле 2015 г. в закон добавили нормы о контроле над религиозными группами. Согласно им, религиозным группам необходимо в письменной форме уведомлять власть о своем создании и представлять список **всех** своих членов с указанием **адресов местожительства!** Фактически, это – та же регистрация, но в другой, в некоторой степени более ужесточенной форме, поскольку даже при регистрации религиозной организации персональные сведения предоставляют только учредители.

Несмотря на то, что указная норма противоречит п. 5 ст. 3 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», п. 5 ст. 10 ФЗ «О персональных данных» и, наконец, п. 3 ст. 29 Конституции РФ, никого это не волнует.

И вот, напоследок, свежая новость от 24 июня 2016 г.: антимиссионерский закон пробился сквозь «асфальт» здравого смысла: ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О противодействии терроризму” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» внес в Закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» главу III-1, регламентирующую миссионерскую деятельность.

Нет смысла даже перечислять все его правовые несуразности; достаточно только спросить: куда девать право личности свободно распространять свои убеждения независимо не только от территориальной сферы своего обитания, но и от государственных границ; как отличить, от своего имени она (личность) проповедует, например, христианские воззрения или от имени церкви, прихожанином которой она состоит? На эти вопросы ответа в новом законе нет, однако сегодня суды оштрафовали уже несколько человек за действия, которые они фактически не совершали...

Литература:

1. Мелиоранский Б. Сектанство // Энциклопедический словарь. Ф.А. Брокгауз (Лейпциг) и И.А. Ефрон (Санкт-Петербург). – Т. 29. – СПб.: Тип. Акц. Общ. «Издательское дело» Брокгауз-Ефрон, 1900. – 291 с.
2. Погасий А.К. Религиозное право. – Казань: ИД МедДок, 2015. – 308 с.

**Metamorphosis of Russian Legislative Approach to the Right of Conscience:
from Lawmaking to Law Enforcement**

A.K. Pogasiy
Kazan (Volga Region) Federal University

The article raises the issue of church-state conflicts and violations of the right to freedom of conscience and religion on the basis of poorly designed legislation allowing arbitrary interpretation of the provisions by the law enforcers.

Key words: law, religion, law, power; interpretation, religious policy, enforcement.

